

Ночной подъём на гору пророка Моисея. Шёл, пел со всеми: “Господи, услыши молитву мою”. “Богородице Дево”, “Царю Небесный”... Подъём нескончаем. Выдохлись, растянулись. Остался один. “Господи, услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да приидет”.

Начались ступени. Господи, их здесь четыре тысячи. Спаси, помоги и помилуй! Несу хоругви. Древко металлическое, но лёгкое – алюминий. Но и оно тяжелеет. Какие тысячи, мне бы вот на эти три подняться и постоять. Слава Богу. Теперь ещё на три. “Пресвятая Троице, помилуй нас (ступень), Господи, очисти грехи наши (ещё ступень), Владыко, прости беззакония наши (ещё ступень), Святой, посети и исцели немощи наши имени Твоего ради” (две ступени). Постою под звёздами, под тёмным небом. Ветер вначале освежает и радует, вскоре остужает и холодит. Надо шагать. Шелковая, шитая ткань хоругви ласково касается лица. “Господи, услыши молитву мою!” Ничего, иду, иду, согрелся. Мокрый весь опять. Ощущается высота. Сердце колотится. “Отче наш” читаю, дыхание выравнивается. Ступени, ступени.

Дошёл. Без молитвы бы не дошёл.

Так со мной было четырежды. И не верится. Но было. На вершине сильно продувало. Но начинался рассвет, малиновая полоска на востоке расширялась, краснела, розовела, облака растворялись, “звезды меркли и гасли” и ощущимо тепло.

Общее ликование всех и любовь всех ко всем была явной.

* * *

Играли в “Домик”. Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки, всякие игры были. До игры чертили на земле круги – домики. И вот – тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь: “А я в домике!” И это “я в домике” защищало от напасти. Да, домик, как мечта о своём будущем домике, как об основе жизни. Идём с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. “Катечка, ты же хотела сразу спать” – “А дома прибавляются домашние силы”.

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

Стыдно перед детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования.

* В тексте сохраняется орфография автора (**ред.**).

Какая любовь к Отечеству! “Наша родина – самая светлая, наша родина – самая сильная”. Это ведь та большевистская Россия, которую я, подчас, и ругаю, а вот потеряли – и грустно. Или это грусть по детству?

* * *

Тысячелетие Крещения Руси Святейший Патриарх Алексий II назвал **Вторым Крещением**. Первое освободило от мрака язычества и многобожия, второе от засилья атеистической идеологии. Вновь открыты храмы, духовные учебные заведения, печатается много богослужебной и православной литературы... живи и радуйся, человек!

Но что мы за люди: всё нам неладно: опять начинается болтовня, называемая дискуссиями, плодящая раздоры. Плодятся неоязычники, необновленцы, одолевают протестанты, старообрядцы никак не согласны с троеперстием, католики держатся за филиокве... нет “единого стада”. Хотя “единый Пастырь” есть – это Иисус Христос. И кем бы ты ни был, какое бы учение не исповедовал, должен знать: судить будет Христос.

Зачем Он приходил на Землю? Чтобы сказать нам Своей Крестной смертью – смерти нет. Нет смерти, не бойтесь! Не бойтесь жить, не бойтесь оканчивать земную жизнь. **Ибо есть для вас жизнь вечная.**

И вот это – отрицание смерти не умом, душой и духом, почувствовал Великий князь Киевский Владимир Красно Солнышко и принял Крещение.

А давайте представим, что мы тогда не приняли Крещения, где б мы сейчас были? А нигде. Нас бы попросту не было. Нас бы наши враги пережевывали бы и выплюнули бы за борт истории. Да и сами мы, не объединённые верой, передрались.

Почему Запад злобствует на нас, суетится с санкциями и провокациями? Да потому что он **обезбожен**. Как? Они же христиане, скажут мне. Какие христиане? Они живут без Христа и без Креста. В первые века христианства иудеи увидели, что христиан нельзя ни убедить отказаться от Христа, ни добиться отречения от Него пытками, казнями. Тогда они пошли по иезуитскому пути – изыскали из Священного Писания его Христологическое толкование. Исказили сердце Ветхого Завета – Псалтирь, убрали из неё главное – предсказание о приходе в мир Спасителя мира, убрали православно звучащие книги Братьев Маккавеев, Книгу пророка Исаии (евангелиста Ветхого Завета, как его называют), Данииловы Седмины, то есть всё, говорящее о Христе.

И перевод Писания с древнееврейского на греческий, а с греческого на латынь был назван Вульгатой (то есть вульгарным, упрощённым переводом). Мы же, православные, живём, по Септуагинте (греческому переводу) – чистому изложению Писания. Это ли не счастье?

Какие-то мелкие (очень малочисленные) стычки языческих жрецов с православными миссионерами при переходе Руси в Православие потом были раздуты до невероятных преувеличений, например, такое: “Владимир крестил Крестом, Добрыня мечом”. А речь-то всего лишь шла о сокрушении идолов в Киеве и Новгороде, а не о каких-то массовых казнях, которых не было в Древней Руси. И даже военные походы древних русичей в соседские пределы не были захватническими войнами, это была **не колонизация, а христианизация**. Или (применительно к Кавказу, уже в позднейшее время) освобождение тамошних народов, присягнувших на верность “Белому царю”.

А как было пережить отрицание Сотворения мира и человека Богом? Преподавалось (и доселе во многих школах) происхождение человека и Земли от чего угодно: теория “большого взрыва” (что собственно взорвалось горе-физики сказать не могут), всякие инфузории-туфельки, постепенно превращающиеся в обезьян, а те в человека (можно ли придумать больший бред?), стыдливо стихшая шумиха о коллайдерах, затеянная тоже с целью отрицания Бога... эта несусветная чушь (слово происходит от **чужь** – чужое) владела (и владеет) многими умами.

Но слава Тебе, Господи, мы – Твоё творение. **Никакой эволюции нет**. Как Ты сотворил первых людей Адама и Еву, такие мы и сейчас, и не в какой новый вид не эволюционировали. И жена моя Евина наследница, и я – потомок Адама.

Крещение, освобождающее нас от первородного греха, было спасительным даром Творца Своему творению. А уж какие грехи в своей земной жизни

кто навлечёт на себя, так это его обязанность от них освободиться пока жив. Чем? – Покаянием, исповедью. Постом.

Без Бога мы не победили бы в Великой Отечественной войне. Почти вся Европа шла против нас. А что мы были к началу войны после революций, кровавой гражданской войны, коллективизации, безбожных пятилеток?.. Церкви разрушены, осквернены, священники расстреляны или сидят в тюрьмах, богослужебные книги сожжены. Казалось бы, не поднять головы. Но мы победили. Как?

А так. Не за идеологию Маркса–Энгельса воевали, а за извечно святые русские слова: **Отечество, Родина, Держава, Россия**. За святых, за могилы великих предков. За храмы православные. Пусть разрушен храм, но он же был возведён на народные деньги (любая государственная казна – это тоже народное достояние), мастерами из народа и, главное, освящён! То есть над алтарём разрушенным незримо, но явно в духовном мире, встал Ангел-хранитель. И ждал, и вдохновлял на битву, и надеялся, и знал, что вернут православные храмы из мерзости запустения. И опять в согласии с небесами засияют купола с крестами. Так и свершилось.

Было ли где и когда такое единодушие сердец, такое безстрашие? Нет, только у православных. Не фанатизм, а именно **вера во Христа**. И мы получили её навсегда в Святом Крещении. Которое празднуем и помним.

* * *

События истории не могут происходить в разных вариантах, они всегда единственны. Но вот бывает, что они, по какой-либо причине, искажаются. Но рано или поздно правда о событиях торжествует.

Вот одна из самых значительных в истории Великой Отечественной войны неправда. Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом? Привыкли считать: это бойцы Егоров и Кантария. Нет, не они. То есть и они тоже. Но гораздо позднее **первого знаменосца Победы Григория Булатова**.

Он вятский уроженец из города Слободского. Его отец погиб в первые дни войны. И Гриша сразу помчался в райвоенкомат. “Хочу отомстить фашистам за отца!” По молодости не брали. Семнадцать лет. Но он был настойчив. Послали от военкомата на курсы шоферов. Потом зачислили в войска охраны военных складов и сопровождение эшелонов с военными грузами и, наконец, в 1943 году Булатов с эшелоном лошадей прибыл на фронт, на самый кровопролитный Северо-Западный, в Великие Луки. Где и принял боевое крещение. Напомним, что именно там свершил свой исключительный по самоотверженности подвиг рядовой Александр Матросов.

После шестидневных боёв от роты, в составе которой воевал Булатов, осталось 12 человек. Гриша был замечен как исключительно смелый, ловкий и сообразительный боец, и был взят в роту разведки. Воевал так успешно и храбро, и ратным трудом заслужил солдатский Орден Славы (который носился на георгиевской ленточке и был, фактически, аналогом ордена Святого Георгия) и две медали “За отвагу”. Его очень любили сослуживцы. Всегда вёсёлый, сноровистый, быстрый на решения, отважный до безрассудства. Именно ему, в будущей Берлинской операции, друзья единодушно доверили нести Знамя.

Командиром разведчиков был москвич Семён Сорокин, лейтенант. Отличный токарь высшего, шестого разряда, он имел бронь, вдобавок и работал на оборонном предприятии, но так же, как Булатов, рвался в действующую армию. Забегая вперёд, скажем, что москвичи из района Щукино, где он жил, свято хранят его память. Так же, как и в Московском авиационном институте (МАИ), в котором он выполнял сложнейшие токарные работы и до и после войны.

Память об этих разведчиках не может быть занесена пылью забвения. Но всё дело в том, что их подвиг никак не вписывался в привычные схемы того времени, когда в нашей стране всем и вся руководила партийная бюрократия, а разведчики самостоятельно решили пойти на вершину рейхстага, не получив одобрения начальства.

Надо сказать, что в музее Вооружённых сил хранится действительно **подлинное Знамя Победы**. Именно оно было сшито руками разведчиков

Семёна Сорокина из алой материи. А на память они отрезали от неё полосу и разделили на восемь кусочков. И потом легко доказали подлинность Знамени. Это превосходно знал маршал Жуков.

В приснопамятный день 30 апреля 1945 года разведчики ворвались в рейхстаг. Свинцовая смертоносная метель бушевала непрерывно снаружи и внутри здания. И только Господь сохранил их живыми. Другого объяснения нет.

Высочили на чердак, оттуда вылезли в окно и побежали по крыше рейхстага. От грохота выстрелов не слышно было, как гремело под ногами кровельное железо. Григорий увидел высшую точку на крыше — скульптурную группу и кинулся к ней. На ходу разматывал красную ткань знамени. Пули бились в железо и бетон. Со свистом летели осколки.

“Вятские — парни хватские”, — подбадривал себя Григорий, уже почти оглохший от взрывов бомб, разрывов снарядов, пулемётных очередей. Страх был, но его подавила охватившая сердце отвага и уверенность, вспыхнувшая в сердце, что вознесётся над Берлином Красное Знамя Победы, так напоминающее красные плащи древнерусских князей — корзно, собиравшие, стягивающие к себе своим зовущим цветом русских воинов во время битв.

Присел за трубой, привязал к древку полотнище. Оно сразу радостно заплескалось в берлинском, пропахшем кровью и порохом воздухе. А когда развернулось, тут уж Григорий совсем ничего не опасаясь — дело сделано — открыто выпрямился, раскинул руки наподобие креста и крикнул вниз, на площадь перед рейхстагом: “Всем видно? Знамя всем видно?”

И его увидели! И бойцы, и маршал Жуков увидел. В стереотрубу. Именно он сам вскоре распорядился отправить великую святыню на вечное хранение в Москву. Именно он при встрече сказал Григорию о том, что его представляют к званию Героя Советского Союза.

В наградном листе рядового Григория Петровича Булатова написано: “29.04.1945 года полк вёл ожесточённые бои на подступах к рейхстагу, вышел на реку Шпрее. Тов. Булатов был из тех, кому было приказано на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробиться к зданию Рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 г. ворвались в здание Рейхстага. С ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное Знамя. Достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”.

Маршал Жуков ехал в Москву и взял с собой знаменосцев из разведроты: лейтенанта Семёна Сорокина, рядовых Григория Булатова и Виктора Правоторова на приём в Кремль по личному приглашению генералиссимуса Сталина.

А там... а там “вождь всех времён и народов” налил Григорию фужер коньяку и сказал: “От тебя требуется ещё один подвиг: двадцать лет молчать о том, что ты установил Знамя над Рейхстагом. Такова сейчас международная обстановка”. Вот так. То есть по мнению вождя для международной обстановки было лучше, что знамя вознесут **грузин и русский**, а не один русский. Тогда, видимо, возникла в голове Сталина формула ответа на вопрос, кто он по национальности. “Я русский грузинского происхождения”. Ещё к разведчикам присоединили потом лейтенанта казаха Кошкарбаева. Так ложно понятый интернационализм возобладал над Правдой.

У Мелитона Кантария не было таких боевых наград, как у Булатова, но было свойство, которым Булатов не обладал, Кантария был грузин. И они с Егоровым несли Знамя и укрепляли его у ног германской скульптуры **через девять часов после Булатова**. В ночь на первое мая. Не под пулями несли. Смело шагали по крыше поверженной фашистской цитадели. Одетые в штатное воинское обмундирование, они, конечно, не были похожи на бойцов-разведчиков в телогрейках.

Нашей пропаганде была нужна победная установка Знамени над рейхстагом. Такую и отсняли. Такие кадры всегда видели мы и справедливо полнились наши сердца гордостью за нашу армию.

Пора давно поклониться могиле первого знаменосца Победы Григория Булатова. К чести его Вятских земляков, на его родине, это свершено. Установлен ему памятник, отчеканена памятная медаль, снят хороший фильм “Солдат и маршал” Марины Дохматской и Бориса Свистунова. Но повсеместной,

широкой, общероссийской правдивой известности о нём пока нет. И общепризнанная известность нужна. Не стометровку бежал, шёл фактически на верную смерть.

А что же Булатов? – А далее всё в его жизни после подвига и уже до самой его кончины было горько и тяжело. Из Кремля его повезли на дачу. Он потом говорил, что это была дача Берии. Такой тогда у Григория был невероятный день: встреча с маршалом Жуковым, с вождём, Кремль, ожидание Звезды Героя и тут же неожиданная просьба молчать двадцать лет, – всё смешалось в его голове. А коридорная девица в белом кружевном фартучке была так любезна, прямо сама льнула к солдатику, говорила, как счастлива ухаживать за ним. Да он её и не коснулся, рук не протянул. Он и парнем-то был нецелованным, стеснялся девушек.

А эта девица повалилась вдруг на пол, задрала юбку, оголилась и завизжала: “На помощь!”. Через секунду стояли у дверей, ворвались офицеры, избили Григория, скрутили, утащили в “чёрный воронок”, а девица под их диктовку написала “показания”, как рядовой Булатов хотел её изнасиловать...

И дали герою войны 15 лет за “попытку изнасилования”.

К штурму рейхстага было подготовлено девять знамённых групп. У каждой Знамя, у каждой задание – установить его на крыше. На одну группу не надеялись – убьют, другие дойдут. Расчёт суровый, но это война.

А тут незапланированная разведрота из армии Шатилова. Разведчики, которым позволено действовать самостоятельно. Они и загорелись. Они видывали такие виды, бывали в таких переплётах, а уж что говорить об общем любимце Грише Булатове. Самый молодой! И на всех снимках он стоит на первом плане, совсем парнишка, полный радости. И снимки обошли многие центральные газеты. А делали снимки фотокоры из “Правды”, и “Красной Звезды”, и “Комсомольской правды”. Ясно, что не так просто ставили на первое место Григория.

Но потом уже снимков этих не появлялось нигде вплоть до 70-х годов.

А как же двадцать сталинских лет? Да никак. О них Григорий помнил. И о нём маршал Жуков и генерал Шатилов помнили. К ним из заключения писал Булатов. Его, по их ходатайству, освободили в 47-м. Он ещё два года шоферил в Группе Советских войск в Германии, потом вернулся в Слободской. Жил и молчал. А маршал Жуков впал в немилость.

Давайте представим жизнь Григория. Он держал слово, данное вождю. Работал водителем, мотористом на речном катере, слесарем на фанерном комбинате “Красный якорь”. Но когда прошло 20 лет, сказал друзьям. Высмеяли. Да и какие уже там были друзья – собутыльники. И попробуйте не выпить, когда тебя считают лгуном, самозванцем. Какой ты герой, когда во всех учебниках значатся другие знаменосцы. Да ещё надо сказать, что, несомненно, Григория вели незримые цепкие руки спецслужб.

За два дня до его ухода с земли в Слободском появились двое крепких мужчин в штатском. В день кончины Григория Петровича (ещё никто не знал о трагедии – свидетельство дочери и зятя) они заявили к нему домой, изъяли его записи, письма к нему маршала Жукова и генерала Шатилова. Эти письма были, в частности, жена вспоминала строчки Жукова: “Гриша, ты топтал сапогами рейхстаг, растопчи ими проклятую бутылку”. Зять вспоминал, что Григорий Петрович оставил много записей о войне и конце войны.

Бог мне простит, я уверен, что смерть Григория Булатов не была самоубийством. Он мешал легенде о Знамени Победы. Сейчас это всё исследовано досконально. Свидетель снятия тела из петли указывает на высокую трубу под потолком. Как невысокий ростом человек мог привязать за неё верёвку?.. И как без какой-либо подставки влез в петлю. Прямо с пола? Нет, его, скорее всего, повесили. Повесили и закрыли дело. Ни следствия, никаких выводов.

Это очень напоминает гибель Сергея Есенина. Тоже труба под потолком, тоже непонятно как привязанная к ней верёвка.

Свидетель и участник подвига однополчанин Виктор Правоторов, призванный из Макеевки, который помогал Григорию нести Знамя, оставил на рейхстаге гордую надпись (есть фотография): “Мы из Донбасса! Знай наших!” И его судьба трагична. Он не ждал 20 лет и рассказал о штурме. И вскоре погиб, якобы от того, что взялся руками за оголённые провода под напряжением. И это фронтовой разведчик. Кто поверит?

Вот хроника водружения Знамени: первая — бегут разведчики Семёна Сорокина. Следующий кадр: Булатов укрепляет древко. Рядом Сорокин, за ними Правоторов. Вторая съёмка, отредактированная: разведчики бегут, но кадр уже со спины. Прикручивает знамя уже не Булатов в пилотке, а воин в шлеме танкиста.

И в воспоминаниях маршала Жукова время установки знамени: **29 апреля в 14:25 по московскому времени**. Да, ещё шли бои, но уже Знамя Победы, вдохновляя, реяло над поврежденным исчадием ада.

Совсем не поздно нам, живым, требовать подробного исследования жизни и кончины героя войны Григория Петровича Булатова. Каково ему было жить с кличкой “Гришка-рейхстар”. С обиды и боли он даже эти слова вытатуировал на своём теле. Осуждаете? А вы примерьте его судьбу на себя.

Нельзя, чтобы ложь, даже красивая, продолжала жить в истории. Думаю, это и грузинам и казахам не надо. Фактически был затравлен, доведён до самоубийства или, скорее всего, убит **национальный герой русского народа вятский парень Григорий Булатов**. И от этого очень тяжело...

* * *

С годами я всё больше вижу похожесть свою на мамин характер. Особенно в чувстве жалости ко всем. Мама всех жалела: кошку с котятками, цветы, нас никого пальцем не тронула, нищим отдавала последний кусок, ночами шила или вязала. За потери не ругала. Только вздохнёт: “Не радуйся — нашёл, не тужи — потерял”. А вот мне говорила: “Какой-то ты больно жалостливый, тяжело тебе будет”. То есть она знала, что жалостливым жить трудно. А мама её, моя бабушка Александра Андреевна, уж она ли не была сплошной добротой. Меня звала ласково — Ова, и сердилась на дедушку, что он поручает мне, по её мнению, какую-то тяжёлую работу. Но мы сами напрашивались на работу, а не бегали от неё. Да и дедушка жалел меня, я же видел, как он ставил меня не землю копать, а, например, гвозди прямить.

Дивно, как передаётся наследственность. Невестка показывала нам фильм из жизни наших внуков от самого рождения. И мы вспоминали, когда привезли внуку сестричку из роддома, и она заплакала, то внук наш двухлетний, заплакал с нею навзрыд. И тут — идут кадры: внучечка, месяца в три, лежит, ворочается в красивых пелёнках, и что-то ей, видно, неудобно показалось, личико её жалобно сморщилось, мы засмеялись: так это смотрелось трогательно, а внучка наша заплакала и убежала от экрана, и долго не возвращалась. Ей стало жалко себя, ту, маленькую крохотулю.

Что говорить, а мой сын, их отец? — Всё всем отдавал. Обидно даже — привезёшь ему фотоаппарат, а уже и нет его через неделю. Также велосипед. И не то, чтобы не дорожил вещами, просто отдавал. Раз привёз ему солдатиков из Германии. Дорогие, красивые солдатик. Немецкие, нация такая, воинственная. Он играл этими солдатиками во дворе, а мальчишки постарше к нему пристроились, ему и лестно. Ура, трах-бах! Его обедать зовут, а мальчишки говорят: “Солдаты погибли, надо их захоронить и сделать салют над могилой”. Присыпали песком немецких солдатиков. Придумали минуту молчания. “А ты иди, обедай, а потом они оживут, опять будем играть”. Солдатики-то ожили, да и отбыли в неизвестном направлении.

А раз мы с сыном, в день Богоявления ехали в метро. И там ехал старичок с бидончиком. С такими раньше ходили за молоком, а у него в нём была Крещенская вода. И как-то неловко он зацепил свой бидончик, тот упал, вода выплеснулась. Наш сынок подскочил, поднял его и сказал: “Дедушка, там ещё осталось”.

Жили мы с ним в дальнем посёлке, у него с собой были машинки. И одна была, подаренная ему, очень красивенькая. А к нам всё заходил Коля, всегда весёлый, и всё приставал к сыну, чтоб он ему машинку подарил. И ведь выцыганил. Отдал сын машинку. Как раз в тот день мы уезжали. Шли на автобус. Сын молчал-молчал и вдруг зарыдал: стало жалко машинку. “Но ты же сам отдал”. — “Я не знал, что будет так жалко”. И вот — я уже жизнь прожил, и всё себя ругаю, что не вернулся тогда, не дал Коле на бутылку и не вернул машинку. Но мы шли на автобус, а они там ходят редко...

В детстве мама повезла меня к своей маме, моей бабушке. Было мне полтора-два года, я только начинал ходить и говорить. Попросили лошадь в лесхозе, там работал отец, запрягли её в лёгкий тарантас и двинулись. Начало лета. Я спокойно сидел в тарантасе. И вдруг увидел на обочине груды красной глины. И, как рассказывала мама:

– Ты весь задёргался, стал рваться к этой глине. Тебя ссадили на землю, ты на своих ножонках побежал, падаешь, встаёшь, и стал ручонками хватать её и тащить в рот. Я испугалась вначале, но потом вспомнила, что и сама, когда была в положении, тоже хотела поесть глины. Да и другие женщины так, когда ребёнка ждут. Даже печуру отламывали от печки, так сухую глину называли – печура, крошили и прямо ели. Значит, чего-то не хватало в организме. Именно для ребёнка. Для костей, или ещё чего.

– Да, – поддержал я, – земля еси и в землю отыдеси. И Адам первородный из земли, из красной глины, так и переводится его имя, и все мы прах земной. Из земли пришли, в неё и вернёмся.

Вспомнил сегодня этот рассказ мамы, когда на ежедневное Чтение Священного писания выпала Книга Бытия, глава четвёртая: “И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле”.

Здесь о земле говорится, как об одушевлённом существе. Она “отверзает уста свои”, она “не станет более давать силы своей”, она живая, она мыслящая, чувствующая добро и зло. Она содержит в себе все элементы для сотворения человека.

Клятва на крови была, конечно, одной из самых крепких. Но клятва землёй ничуть не меньше. Хотя сказано человеку “не клясться ни землёй, ни небом”, роль земли в продолжении жизни человека была определяющей. Отношение к земле было на уровне святости. Из детства помню, когда кого-то в чём-то обвиняли, а он оправдывался, то ему говорили: “Ешь землю”. И если ел, верили в его невиновность.

А земля родины, которую зашивали в ладанку уходящим на фронт, это свято. А земелька с могил родных, которую брали с собой, когда находили где-то ещё одну родственную могилу и везли на неё эту землю, как поклон, как благословение родины.

Очень помню, когда уезжал из нашего села мой друг Вовка Агафонцев, его отца куда-то перевели, и уже погрузили вещи на машину, и я вдруг, даже неожиданно для себя, в каком-то порыве, побежал к своему дому, наскрёб с завалинки пригоршню желтого песка, завернул в газетку и принёс Вовке. И он, очень помню, был рад и положил пакетик в нагрудный карман. Велики ли мы были, лет по одиннадцать – двенадцать, а понимание величия родной земли уже навсегда поселилось в нас.

И, как ни революционен был поэт, а написал же о русском воине, покидавшем Россию: “Трижды город перекрестивши, трижды землю поцеловавши”. И сам я видел, как евреи (это 1998 год), выходя из аэропорта Бен-Гурион, кидались на колени и целовали землю.

И разве кто-то усомнится в чистоте этого порыва? Разве и мы не увозим землю Святой Земли в своих сумках, разве не верим в её животворную силу?

А наше троекратное, во славу Святой Троицы, бросание трёх горстей земли в могилу на крышку гроба, разве не выражение надежды на защиту землёю души уходящего с земли?

И разве земля не слышит нас? Слышит, конечно. И любит нас. Она же год за годом, созидает для нас все условия для нашей жизни. И в добавление к выращенным злакам, фруктам, овощам, лечебным травам, являет из себя цветы, эти остатки рая на земле.

Этот земной рай вернётся, если мы тоже будем любить землю и беречь её.

НОВОЕ-НОВОЕ-НОВОЕ! Непрерывное склонение и спряжение этого слова и видится в печати, и слышится в эфире. Вся пишущая и радио и телеговорящая братия только и делает, что ищет новое и славит его, и продвигает,

и внедряет. Справедливое замечание “новое – это хорошо забытое старое” никого не вразумляет. Всё, в той или иной форме, было. Формы, естественно меняются, содержание повторяется.

А если подвергаешь сомнению необходимость нового, ты, конечно, ретроград, враг прогресса. Но есть ли прогресс вообще?

За другие области не скажу, но, что-то понимая в литературе, скажу: **в литературе прогресса нет и ожидать его бесполезно.** Занимаясь древнерусской литературой, скажу уверенно: она была лаконичнее, чётче, говорила дельно и по существу. Не выдрючивалась, в амбивалентности не играла. Мы на неё смотрим не сверху вниз, как на давно прошедшее, а снизу вверх, как на почти недостижимое.

И предшественники муками поиска слова не хвалились, не гордились. Какая мука поиска, что за словом бегать? Если его нет в тебе, куда ты за ним побежишь? В словари? ну-ну. Мелочь пузатая такие писатели. Мелочь от малой значительности для жизни их текстов, а пузатая от самомнения.

Так резко говорю не в обиду тем, кто любит прежде Россию, о тех речь, кто, начиная с 60-х ворвался в литературу, как шпана на рынок, озабоченная только своей прибылью. Шпана в литературе, в отличие от шпаны базарной, ищет ещё и известности. Базарной-то шпане надо во-время смыться, а литературной мечтается застрять в литературе надолго, если не навсегда.

И это при том что все нормальные люди знают (должны, обязаны знать), что не только вся исписанная, испечатанная бумага, всё дерево, спиленное и ещё растущее, всё железо, всё-всё сгорит. Куда больше – небо советётся в свиток, как сказано в Апокалипсисе. И где там, в этом всесветном огне будут твои публикации? И кому будут нужны, кого спасут, какую истину откроют?

Сейчас бы надо говорить, и усиленно, о краткости жизни, о спасении души. Сам я очень грешный, но, что знаю наверняка, то и пишу.

* * *

Вернули имя городу Халтурин. Теперь, как и был раньше, город Орлов. Встреча в обществе ветеранов. Застолье. Старушки: “Всё бы пели, всё бы пели, всё бы веселились. Наше времечко прошло: морщинками покрылись”.

Одна из них: “Ещё так можно: Наши старые гуляночки во сне приснились”. Третья: – А вот начало этой не подскажете? Про хорошего мужа. “Табачку не курил, от меня не гуливал”.

“Ёлочка, не осыпайся, чисту воду не мути. Дорогой, не задавайся, тебе лучше не найти. Афанасьево село, да чем оно украшено? Ёлками-цветуньями, да девками-певуньями (плясуньями)”.

Ситникову спели: – Одуванчик ты мой, одуванчик, облетели твои семена. Спели и про меня. Полностью не помню, но это как забыть: “А седая борода не годится никуда”.

В Орлове мученически погиб протоиерей Михаил Тихоницкий. Ходили на кладбище. Снега, как в детстве, белые, глубокие. На могиле цветы.

Демонстрация. Музыка. Цветы. На трибуне областное начальство. Один другому: “Вот они идут, на нас смотрят и думают: “Всё это одно ворьё стоит”. Другой: “А раз так думают, придётся воровать. Нельзя же, чтоб народ ошибался”. И точно, один из демонстрантов смотрит на трибуну, видит начальство и говорит своему другу: “Это всё воры”. А тот отвечает: “А поставь нас – и мы такими же будем”.

Когда организм заболевает, паразиты оживают, крепнут и губят организм окончательно. А заболевает он вначале от паразитов обязательно внутренних. С помощью, конечно, внешних, но всё с себя начинается.

* * *

Так я и не научился от отца так же ловко, как он, владеть счётами, этим тогдашним универсальным народным арифмометром, который потом сменили калькуляторы и кнопки бездумной техники.

Эти счёты, костяшки, по десять штук, на металлических стерженьках, могли в руках отца всё: делить, умножать, складывать, отнимать, прибавлять,

возводить в степень. Эх, и славно эти костяшки щёлкали и никогда не ввали. Например, самое простое: складываем 54 и 47. Вначале справа налево десятка, пять и четыре – щёлк-щёлк – девяносто. Теперь единицы 4 и 7. Из них получается ещё одна десятка. Сотня. “Единица на ум пошла, – замечал отец, – сто один”. Сто один. Можно не проверять.

Скорость отца изумляла. В конце вычислений он весело встряхивал счётами, сгоняя костяшки вправо, на исходные позиции. Они сохранились, эти счёты. Иногда беру в руки и трясу. Музыка времени в них.

* * *

Пресса не командует никем, она сама подневольна. Её дело – быть на посылах у сильных и богатых. Не руководя обществом, она задуривает его, оглушает, готовит к принятию того, что готовится в недрах нового нашествия на Россию.

А народ? Да что вы всё с народом? Он игрушка в руках воротил деньгами и прессой. Он даже если бы был помехой, давно бы его смахнули, да вот задача: надо же кому-то лес валить, коров доить. Нефть качать, золото и уголь копать, рыбу ловить... А так-то, зачем бы он был нужен. Он чем-то недоволен? Так пусть и кричит, пусть поболтает о своих проблемах. Это богатым музыка для ушей.

Так всегда было. Недовольство помогало свергнуть тех, кто уж совсем зажрался и меры не знает. То есть дай и другим оторвать от куска. А народ перегоним в другой загон, хоть и огороженный, конечно, но чуть попросторнее. Народ и рад. Думает: добился. А ничего не меняется: что большевики грабили, что демократы грабят, куды христианину податься?

* * *

Служению телу посвящаются самые лучшие цветущие годы, а вечному спасению души только последние минуты дряхлой старости. Забываем мы, что земные блага скоропреходящи и неустойчивы, тогда как блага небесные вечны, безконечны и неотъемлемы.

Не только пьянство и блудная страсть, но и зависть, злопамятство, ненависть также составляют душевную нечистоту.

Женщина стоит на границе между женственностью и бабством. А мужчина между мужественностью и омужичиванием. И хотя у многих женщин мера оценки мужского пола заключается в словах: “Настоящий мужик” – это грубо. Раз мужик, значит, не обнимает, а лапает, не пьёт, а лакает, не смеётся, а ржет и тому подобное. Тут ожидание только животного удовольствия.

И мужественность и женственность диетой, гимнастикой, и водными процедурами не получишь. Тут душа нужна, тут работают только такие слова: **жертвенность, любовь**, только они помогают женственности и мужеству.

* * *

Желание стать писателем возникло у меня 67 лет назад. Вправду, мне это дивно. Жизнь кончается, пора соображать, велик ли мой вклад в неё, и не зря ли жил? Серьёзные вопросы. Я всегда искренне хотел жить для Родины. Конечно, любовь к ней именно от самой родины, от патриотизма военного поколения, от отца с матерью, от школы, от книг. От Бога в первую очередь.

Таким вступлением я разродился, найдя в бумагах текст, написанный в 16 лет. Он как раз о том, что хочется помогать стране и людям. Слабенькие стихи, но искренние. Я уже работал в районной газете.

Запишу их в строку:

“Я хотел бы своим пером помогать людям лучше жить. Ну не мне их, конечно, учить, мне всё время учиться у них. Но вот так: помахал топором, притомился плотник, присел. Из кармана достал кيسет, оторвал от газеты клочок. И вдруг видит в газете стих. Закурил. “Ну-ка, дай взгляну”. И газетный лист развернув, вдруг глазами к стиху прирос, будто что увидал между

строк. Дочитал, оглянулся: “Эй! Что вы там? Ну-ка сядьте скорей. Тут вот нам задают вопрос, тут тревожат нашу мечту. И дорога вроде ясней. Вот послушайте, я вам прочту”.

Прошу не смеяться над ребёнком. 60 лет с тех пор ребёнок отмотал, и всё, наивный, так и думает: “Я хотел бы своим пером помогать людям лучше жить”. Только бы одно слово заменил: не лучше, а легче.

И ещё из того же времени:

“Я снова сегодня к ней пойду! Скорее, солнце, садись! Она мне сказала: “Я тебя жду”. — Сказала: “Жду, приходи”. Но утром летучка. Вопрос такой: сейчас важнейшее – сев. И нужно немедленно, теряя покой, бросать на него силы все. Нахмурен, в горле застрял вопрос, стою у районной карты я. Куда поеду, в какой колхоз? Туда, куда нужно партии”.

* * *

Сколько я клеймил КПСС, ещё в ней пребывая. И после. Будто мстя за годы, истраченные на изучение всяких Циммервальдских–Кинтальских конференций, разногласий с Мартовым и Плехановым, программ и Уставов, повесток очередных и внеочередных съездов. Как головы наши выдерживали. Куда ни ткнишь, везде партия. Вот точный анекдот: Пришла мама с работы, хочет включить радио. Сынок: “Мама, не включай!” – “Почему?” – “Там говорят: “Съест КПСС, съест КПСС”.

Смертельно это всё надоедало. И делало равнодушным ко всякой уже идеологии. Разве мы не читали книжки на партсобраниях, разве не проскакивало всё изрекаемое с трибуны сквозь наши уши, ничего в голове не оставляя?

Вот на эту тему: “Леонид Ильич, пишу вам, помогите дочери поступить в институт. Вы меня должны помнить: мы вместе с вами спали”. Такое письмо генсеку. К женщине этой сразу чекисты: – “Как это спали? Когда?” – “Да, спали. Я была делегатом съезда и спала в зале. А он спал в президиуме”.

Партию загубили паразиты при ней, шестёрки режима. Они были хитрее тех, при ком были. И кормились при них, и росли в постах, к себе своих прикармливая. А чуть что, отскакивали. Предавали мгновенно.

А партия, кто спорит, несомненно нужна. Но какая? Кто в ней?

Что тогда, что сейчас – в партию (тогда коммунистическую, теперь медвежью) идут за портфелями, за, то есть, устроенностью в жизни. Благополучием и наживой. Уж какая там жертвенность. Это не война, когда атака, когда пошла сигнальная ракета, когда возглас: “Коммунисты, вперёд!” Да, и первыми вылезали из окопов.

Ганичев, упокой Господь его душу, очень не любил мой рассказ “Любовь, комсомол и весна”. Он о карьеристах брежневского, и далее, времени. Обиделся: “Мы столько делали для молодых писателей”. Согласен, делали. Но не за свои же деньги. И помогали молодым очень избирательно. Первая книга моя вышла в “Молодой гвардии” в конце 70-х, а ходить я начал туда с середины 60-х. Лет тринадцать, легко ли, ступени лестниц издательства шлифовал. Но на Ганичева не сержусь: он и знать не знал о моём существовании. И журнал “Молодая гвардия” меня ни разу не печатал. Сейчас только Валерий Хатюшин, главный его редактор, сказал, что идёт мой рассказ “Застойные времена”. Посчитаем. Сейчас 2018, ходил, самое малое, с 1968. Так что совсем недолго и ждал – полвека. С “Юностью” и того протяженной, ходил в неё с 1964, вот нынче в первый раз напечатали.

Чего это я – начал глобально, а вдруг заскулил. Да это же благо, когда писателя долго мучают, проверяют на излом и вывих, скручивание и растяжение. У меня очень, паки и паки повторяю, счастливая судьба. В это-то теперешнее время сплошной цифры, да ещё кто-то читает буквы!

* * *

В вагоне разговорчивый сосед попался: – Я в Москву два раза ездил. Меня в Москве в двух домах знают. В одном брошенном, в другом не живут. У меня и тётка во Владимире есть. – Тут же меняет тему: – Жена есть жена. Но скотина есть скотина. Жена куда уйдёт, у неё спросишь. А скотина куда ушла? – Ушла и адреса не оставила. Так что жена лучше скотины.

После маленького перерыва продолжает философствовать: — Но вот, смотри: нет ни одной бродячей коровы, а бродячие собаки есть. Почему?..

Молчать совсем не может: — Знаешь, дядя, где живу? В Чуркистане. Понял, где? Чуркистаном наш район зовут. Окраина, сплошь переселенцы из Средней Азии. Где логика, дядя? Смотри, наших оттуда гнали, а теперь сами бегут к нам. А мы что, мы зла не помним. К нам надо на автобусе-однойке ехать. И такая же маршрутка, тоже однойка. Но дороже... А ещё ответь на такое: я вижу, ты с книжкой сидишь, ответь. Как это — были мы советские, стали россияне, так? Что скажешь? Когда русскими будем?.. Вот вопрос!

И не надоело нам быть русскими. А ведь расстреливали Верховный Совет? кто? — русские русских. И те, и эти, и кто расстреливал, и кого расстреливали... Что это?

— Это демократия, — отвечаю я, — плата за богоотступничество. Когда русские — русских...

* * *

В начале 90-х в журнале “Москва” мы печатали отрывки из книги о русских пленных и о немецких. Это были их письма. Интереснейшая книга. Её делала старшая дочь Василия Шукшина Екатерина. Письма немцев начала войны не просто хамские, они циничные, мерзкие по отношению к славянам. “Мне нравится их убивать, особенно прокалывать беременных... Посылаю тебе детские вещи, они из льна. Немного запачкано кровью, но легко отстирать...”

Русские письма: “Так переживаю, что не успел запасти дров, как вы будете зимой? А одежда, обувь? Сходи в сельсовет, может, помогут. В счёт налогов придётся сдать овцу. Хорошо, успел сена накосить...”

Потом всё меняется. У немцев вопли и отчаяние: оказывается, эти русские унтерменши тоже люди. И воевать умеют, и умирают мужественно. “Комбат приказал похоронить русского солдата с почестями. Солдат в одиночку держал подходы к мосту, который они в это время минировали. И только когда солдат увидел, что мост взорван, стал отходить”.

Ценное в книге то, что пленные немцы (уже послевоенные, строившие что-то у нас) и потом вернувшиеся в Германию, сохранили о нас благодарные воспоминания.

Отвлечусь. Вспоминаю голодные 46–47-й годы. Читаю рацион кормления пленных немцев в это время. Мясо, масло, овощи. А как немцы требовали в войну у жителей захваченных деревень: “Матка, млеко! Матка, яйца!” А тут и требовать не надо было, подносили. А какого было нашим солдатам в фашистском плену, лучше не рассказывать.

Я был в Германии и по ту и по эту сторону ещё до сноса берлинской стены. А потом был уже после её разрушения. К 80-м годам немцы уже были разные по мировоззрению: восточные и западные. Отличались во всём — магазины, одежда, транспорт. Но коротко скажу: первыми, кто протянул руку дружбы, были немцы-ветераны. И не просто воевавшие с нами, но побывавшие в плену. И братались они именно на основе любви к России.

Очень этим братанием были разочарованы либералы.

А напомнить о великом милосердии русского народа сейчас самое время. При той информационной грязи льющей на нас.

* * *

Личностей у демократов нет. Ну, какие личности, например, покойный Немцов? Не стало его, и оказалось и многоженство, и всякие квартиры, капиталы. Это борец за народное дело? Ну ладно, о таких мёртвых лучше ничего. Вот Навальный. Кировским судом факты воровства доказаны. Адвокатура от тюрьмы отмазывает. И уже в политике. Строит её как раз на обличении воровства политиков. В этом понимает. Но как-то несерьёзно: привязался к кроссовкам Медведева. И что ему кроссовки? Такие же хочет? То есть любовь обличений весьма мелок. Кого ещё взять? Да просто на лица их посмотреть. Красавцы! Начиная с Гайдара, Ельцина, Сванидзе, Познера... Это личности? Это лидеры? Готовы за народ на плаху?

А слово “цензура” для либералов – как красная тряпка. Ещё бы, им хочется болтать всё, что в голову придёт. А приходит то, чем живут – желудком и инстинктами.

– Да я бы тоже не говорил о цензуре, – отбивался я на встрече с читателями, настроенными агрессивно, – если бы у создателей кино, картин и текстов была самоцензура. Какая? Обыкновенная совесть.

Это им не понравилось. Им вообще вся Россия не нравится. Им её бы не было вовсе.

– Не было никакой русской истории! – Этот возглас воспринимается одобрительно.

– Истории не было? А Россия от океана до океана есть? Или она из ничего возникла?

* * *

“Кто будет готовиться к битве, если труба будет издавать неверные звуки”, говорит Писание. Вспомнил, когда попалась почеркушка из давнего, запись: “На бой, на бой, в борьбу со тьмой”. То есть не все трубы издавали неверные звуки. Работали, учились при Советах. Но главных труб при Советах не было – это колокольные, зовущие к молитве звоны.

И у Флобера в “Мадам Бовари”, и у Толстого в “Карениной” очень талантливо показано зло – разрушение семьи. Но главное зло тут же внедряется в сознание, это – оправдание этого зла.

Не выносить сор из избы – всегда такое правило было. Но в применении к прошедшим временам: в избе печь была, в которой мусор сжигали. А не выноси сор из квартиры, и что? Весь мусором будешь завален. Всё им забьётся, и квартира, и голова.

Прочёл: “Нравственное восхождение создаётся созерцанием, рассуждением, размышлением”. У меня не получается. Созерцать не получается.

* * *

Главная драгоценность, которую подарил нам Господь, подарил каждому из нас, это мы сами. **Каждому человеку подарил его самого.** В полную собственность. В полное распоряжение. Дал каждому свободу действий и дал возможность ею пользоваться. По своему усмотрению. Делай, что хочешь. Конечно, Господь, относясь к человеку, созданному Им, как к своему ребёнку, обезопасил его, вложив в него многочувствие на все случаи жизни. Остерегает человека и зрение, и слух, помогают узнавать жизнь осязание, вкус и обоняние. А особенный дар для человека – главное чувство души – совесть. Именно совесть мы называем голосом Божиим в себе. Зовут тебя в пивную, а совесть говорит: не надо, не ходи, будет только хуже. И совесть всегда права.

Ощутить себя самого полным владельцем и тела своего и своей дороги в жизни – до этого, доложу я вам, долго надо подниматься. Тут и свобода воли, тут и, одновременно, полная ответственность за свои поступки.

А как всё быстро летит: дни, недели пропархивают как снежинки, месяцы мелькают как столбы за окном скорого поезда, года проворачиваются, как колёса мельницы... вот и опять десять лет как не бывало.

Так и жизнь пройдёт.

* * *

Как ни прохожу мимо Исторического музея, всегда слышу одно и то же – рекламу экспонатов. И всегда обязательно талдычат: “Ордена и оружие Наполеона, – а уже дальше: – Личные вещи Кутузова...”

То есть, конечно, у них, именно у них, а не у нас, на первом месте западные ценности. Исчадие ада, слуга сатаны, он для них герой. В Париже предлагали посетить его могилу. “Тут, рядом”. Ну, давай, из интереса посмотрю. А, оказывается, надо перед этой могилкой головку нагнуть, поклониться. Специально так сделано. Ну, нет, ребята-мусью, не дождётесь. “Забил заряд я в пушку туго...”

Подражание Моисею вижу в сорокалетнем блуждании евреев, а теперь и русских по пустыне. Моисей водил евреев, чтобы они забыли египетское пленение, нас никто не водит, сами разбрелись, бродим, но тоже подразумевается цель забыть “большевистско-коммунистическое пленение”.

И там были роптания, вспоминали “котлы с мясами”, пока не посыпалась “манна небесная”, и сейчас слышатся роптания, вспоминаются времена не голодные. Не было безчеловечного раздвоения на бедных и богатых. И никакой манны небесной сейчас не предвидится. Хотя, как знать, Господь не выдаст, медведь не съест. Надо за всё Бога благодарить.

Константин Победоносцев, который, как говорил наш великий поэт Александр Блок “простёр свиные крыла”, а на самом деле много сделавший для просвещения в России, в статье “Характеры” пересказал вслед за греком Ксенофонтом, как к Сократу пришёл юноша, дерзавший принести пользу государству и желавший получить для этого высокий чин. История поучительна. Юноша не мог сказать ничего: ни сколько зерна потребно для содержания войска, откуда взять средства в казну, какие расходы сократить, какие увеличить. Не знал о силе противника и о его расположении. Что касается внутренних проблем, тут он был категоричен: “Везде воровство! Я бы их всех уничтожил!” Сократ спросил, где живёт юноша. — “У дяди” — “А у дяди хорошее хозяйство?” — “Ничуть. Но он же не слушает меня”. — “Как, — воскликнул Сократ, — тебя не слушает дядя, и ты воображаешь, что сможешь уговорить всех афинян поступать по твоим указаниям”.

Молодой человек, оставив завихрения ума, сел за парту. Этим пересказом Победоносцев охлаждал горячие головы тогдашних русских карбонариев.

Так здесь, заметим, речь идёт об экономических выкладках. А как сумеешь внушить, что спасение души куда важнее хозяйствования. “Вера вместо дел да вменится мне”, читаем в ежедневной молитве. “Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и прегрешения, — говорит святитель Игнатий Брянчанинов.

Образование наше доселе прочно оторвано от жизни души. Есть какие-то светлые пятнышки в жизни воскресных школ, кадетских классов, там, где занятия начинаются с молитвы, но в основном глухо. Накопление знаний, не освящённое необходимостью служения Господу, ведёт к гордыне.

В многопудии педагогических фолиантов всегда высказывается забота о сближении школы и жизни, о подготовке нужных специалистов для государства.

Ну а сближение школы и церкви? Это-то главнее. Здесь речь о содержании жизни, о спасении души. Нет же бессмертных. Не умники нужны, набитые знаниями, чаще всего бесполезными, а воцерковлённые учителя и врачи, инженеры, агрономы, зоотехники, специалисты.

И давно пора забыть навязанное мнение, что неважно, верующий врач или неверующий, лишь бы был хороший специалист. Нет, далеко не так. Верующий точнее в диагнозе, безошибочнее в средствах исцеления.

Рядом с этим вот такое рассуждение: — Я знаю, что я ничего не знаю, — сказал Сократ. И добавил: — Но я-то хотя бы знаю, что ничего не знаю.

С радостью пристраиваюсь в затылок великанам античности.

Есть звёзды, рядом с которыми наше солнце как футбольный мяч рядом с Землёй, есть и системы во Вселенной рядом с которыми наша солнечная Система как пылинка.

А есть такие крохотные насекомые, что еле-еле их можно разглядеть в микроскоп. Так вот, на этих насекомых размножаются насекомые, их паразиты, блохи, говоря по-человечески.

Остальное соответственно. В наших генах есть кровь неандертальцев и кроманьонцев. Каково? Снежный человек был и есть. И мы ещё думаем, что что-то знаем. Уровень знания на уровне незнания. И мы ещё трепыхаемся.

Полнейшее оскорбление – повышение пенсионного возраста. Да ещё как упрекают: “Пенсионная реформа давно не пересматривалась”. То есть не угнетали давно. Измученная, измочаленная старуха в пятьдесят, всё отдающая на лекарства, а лекарства такие, что полноты жизни не дают, но позволяют непрерывно мучиться, эта старуха разве живёт? Видел я руки доярок, вальщиков леса, трактористов, плотников... только русские могут выдерживать такие нагрузки. И кто решает судьбу пенсионеров? Тот, кто получает (депутаты Госдумы) по 400 тысяч рублей в месяц. А изображают заботу о тех, у кого пенсия еле-еле за десять тысяч.

Стыд и срам такому Правительству. Ничего-ничего, они ещё увидят Лазаря на лоне Авраамовом, ещё возопиют. Ещё узрят пропасть, разделяющую страдальцев и лакеев сатаны. Ещё узнают, что и смерти нет и что за всё надо платить.

Болезнь хорошо. Да, братики и сестрички, хорошо. Вот болеешь и не грешись. “Страдающий плотью перестает грешить”, так сказано. Собралась жена, соблазненная речами развратника, к нему на свидание, уже причесалась, губы красит, а тут чувствует – жар, простуда, кашель, из носа потекло. Куда в таком виде на ложе измены? И не пошла, болеет и, выздоравливая, опомнилась и спаслась.

То же и с мужской стороны. Ведь алкоголь – это болезнь, и очень серьёзная. “И не упивайтесь, в вине есть блуд”, говорит Писание. Выпил мужичок, ласки захотелось. Ему подливает соседка, он пьёт, распяляется, размечтался. Руку на бедро ей кладёт. Но, на его счастье, от возбуждения выпил лишнего, и ни на что уже не годится. Конечно, спасён! И сам будет утром рад-радехонек, что ничего не было. Так что пейте мужики. А детей пусть узбеки делают. Будет скоро узбекская Россия.

Жалею, что никак не соберусь написать поподробнее о Гегеле. Но хотя бы коротко. Великий хам в науке. Его прикомил император для воспитания в немцах духа превозношения. Глупости говорил великие. Когда ему указывали на то, что какие-то его положения не соответствуют фактом, он что говорил? Он говорил – “Тем хуже для фактов”. Каково? И такие Гегели держали власть в науке. Хотя как раз власти в науке не должно быть. То есть власти есть – это опять же факты, доводы, выводы, сопоставления, рекомендации, но всё безотносительно к личности учёного. Он ни при чём – ему Господь попустил быть таким умным и настолько, насколько посчитал открытию быть полезным для человечества.

Ничего не надо выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она – единственная в мире такого размаха: от приземлённости до занебесных высот. Все всегда не понимали нас и то воспитывали, то завоёвывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. **А её роль – одухотворить материальный мир.**

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь их вразумит.

Мировоззренческие различия меж Россией и Западом – это небо и земля. Эти различия преодолимы при одном условии – **Запад должен вернуться в лоно Православия, заново обрести Христа.** Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остаётся от него только материальное видимое да плюс ублажение плоти, да плюс великое самомнение. А вечное невидимое, отошло от него.

У них не только превозношение, но и элементарная лень. Месса двадцать минут. Торопятся делать бизнес. А ещё есть у них, она и к нам проникает, такая ересь, что не надо никаких религий, надо просто верить и всё. Что неважно, какая конфессия, верь в Бога, и спасёшься. А как верить? Да как угодно.

Только тот католик, который переходит в Православие, становится счастливым.

* * *

Виноват и каюсь, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я – записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

Осмелюсь записать рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

“Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: “Коля, как ты? Он: Мамочка, всё нормально”. – А отойду на кухню, слышу – тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. – “Что, Коля, что?” А он спрашивает: – “А почему ты платье передела? Такое платье красивое”. – “Какое платье, я с утра в халате”. – “Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: “Ну что, полегче тебе?” – “Да ничего говорю, терпимо”. Говоришь: – “Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо”. И как-то быстро ушла. Говорю: “Отец, может, тебе показалось?” – “Да как же показалось, я же с утра не спал”.

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди – мои родители.

* * *

Отчего бы не начать с того, чем заканчивал Толстой, с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке, да, там плечи предшественников держат, от того наука быстра, но литература не такая. Наука – столб, литература – поле, где просторно всем: и злакам и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?..

Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: “Консьержка была явно с тяжкого похмелья”?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на всякий замок, приговаривая: “Не ходите в церковь – ходите пешком”. Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в частом бывании (по выражении мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или парижские консьержки закодированы от выпивки.

* * *

Позавчера Павел Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам, за что благодарить Бога, есть нам в чём пред Ним каяться, есть о чём просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе умоемся кровью.

Надо искать на земле то ценное, что будет ценно и на небе. (Прочитал или услышал.)

Знаком был со старушкой, которая в 1916 году, в приюте читала императору Николаю молитву “Отче наш” по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни “Реквием”, как советовал Горький, ни “Русь уходящая”, как называл Корин, а просто “Русь”. Такая мощь в лицах, такая молитвенность!..